

**БЫТЬ ИЛИ
МОЖЕТ БЫТЬ?**

ЭЗОТЕРИКА ПОЛЕВОГО АНТРОПОЛОГА

© 2015

Я.В. Чеснов

От редакции. Рукопись статьи была в редакции, когда пришла горькая весть: ее автор ушел из жизни. Ян Вениаминович был нашим давним другом, и нам выпала скорбная честь напечатать последнюю написанную им статью. Взыскательный читатель наверняка найдет в ней какие-то шероховатости, неясности, недоработки, которые редакция и автор непременно исправили бы в совместной работе над текстом. Но судьба распорядилась иначе, и статья публикуется в том виде, в каком поступила в журнал.

Книга и путь в науку

Антропологии без личного наблюдения в добывании фактов быть не может. Иначе речь должна идти о культурологии¹. Свойства фактов и реконструкций общественных явлений зависят от точки зрения исследователя. Поэтому антрополог в той или иной форме обязан охарактеризовать не только свои рабочие приемы, но и дать как бы паспорт на самого себя. В антропологии роль личного момента столь же значима, как и в поэзии.

Требование очертить представление о самом себе влечет за собой проблему эзотерики. Было бы слишком большой роскошью оставить в стороне ее многовековой своеобразный опыт мироощущения и познания. Этой теме посвящено специальное исследование В.М. Розина, который ориентировался на письменную традицию [5]. Розин совершенно верно придал эзотерике широкое понимание. Явление получило в его книге самостоятельное культурное звучание.

Эзотерику на основании антропологического материала можно продвинуть еще дальше: в глубь поведенческих актов и этиологических и скрытых мифов, которые восходят к единому Всеобщему мифу о сотворении человека Богом. Этот миф существует иногда в явном нарративном виде, а иногда в поступках без явной мотивации. В последнем случае поведение кажется “автоматическим”. Раньше о нем сказали бы, что это “пережитки”. В итоге Всеобщий миф реконструируется антропологией по осколкам. Антропология получает ответ единого

¹ Этика конкретных приемов полевой работы на своем опыте и опыте моих коллег по международному цеху антропологии рассмотрены в [7].

мифа, собственно говоря, осколок этого мифа. А у антрополога благодаря мифу возникает профессиональная толерантность к многообразию обычаев и нравов. Здесь будет проанализирована полевая работа антрополога, понятая как его встреча с эзотерическими проявлениями Всеобщего мифа.

К области широко понимаемой эзотерики надо отнести вопрос: “Как человек приходит в профессию культурной (социальной) антропологии?” В принципе есть два пути. Первый: через книгу. Второй: через путешествие. Что касается книги, то до прочтения она остается скрытым текстом. Но и путешествие в неизведанное — тоже работа со скрытыми смыслами.

Основатель антропологии как дисциплины англичанин Э.Б. Тайлор заболел у себя на туманной родине. Врач порекомендовал ему пожить в жаркой стране. Так в 1855 году Тайлор оказался в Мексике. Увиденное там дало толчок к написанию им книги об этой стране. А в 1871 году вышел уже его научный труд “Первобытная культура”. Чтение этой Библии антропологии породило многих подвижников науки. Среди них был и наш соотечественник Н.Н. Миклухо-Маклай.

Другой яркий антрополог — Б.К. Малиновский (1884–1942) учился в Кракове. Попав однажды в больницу, прочел, благо свободного времени было много, “Золотую ветвь”. Малиновский на всю жизнь сохранил человеческую признательность Джеймсу Фрейзеру, хотя оспаривал его теоретические построения.

Мой университетский учитель этнографии Геннадий Евгеньевич Марков (в 2013 году ему исполнилось девяносто лет) молодым человеком служил в вермахте. В один из апрельских дней 1945 года он среди развалин увидел наконец советских солдат. Перейти через улицу им мешал пулеметчик противника. Марков снял с мундира знаки отличия немецкой армии и подавил огневую точку из своего шмайссера. За это получил орден Красной звезды. Чтобы было удобнее стрелять, он из кучи кирпичей вынул толстую книгу и положил ее на подоконник. Когда стрельба затихла, он раскрыл обложку. Книга оказалась “Народоведением” Ф. Ратцеля. Этот момент предопределил его судьбу — он стал российским антропологом и археологом, лучшим отечественным специалистом по немецкой этнологии.

Тут надо еще раз отметить, что прочитанная книга и нетронутая — разные вещи. Книга в первом смысле становится внутренним телом человека. Недаром сборник молитв, сначала рукописный, а в 1661 году напечатанный по повелению Патриарха Никона, назывался “Брашно духовное”. То есть “Пища духовная”. Поразительно, что миф о съеденной письменности есть у самых примитивных народов вроде семангов и сеноев, никогда не знавших письма в реальности [6, с. 340–376]. Но, в сущности, в этом нет ничего удивительного с точки зрения Всеобщего мифа, версии которого трактуют переход внешнего

БЫТЬ ИЛИ МОЖЕТ БЫТЬ?

во внутреннее. Книги, прочитанные в детстве, становятся архетипами личности.

Придется сказать о себе. Происхожу из потомственной бакинской семьи. Родился в Грозном. В отроческие годы жил на Кубани, где отец, агроном по образованию, был директором огромного зерноводческого хозяйства. За то, что в конце лета 1945 года уговорил командира колонны студебеккеров, идущих из Ирана, задержаться на сутки и вывести пшеницу из переполненных бункеров комбайнов на элеватор, был наказан. Его отправили руководить небольшим совхозом в 15-ти километрах от Ельца в Пальну-Михайловку, бывшее имение Стаховичей. В полутора километрах от Хрущево, усадьбы М.М. Пришвина. Девятилетним мальчиком в 1946 году я попал в самую сердцевину русской этнографической среды. Двухлетнее обитание там было самой настоящей антропологической и фольклорной практикой. Сначала я не понимал некоторые слова в речи моих сверстников. Был поражен упряжкой с дугой, а не пароконной телегой, как на Кубани и т.п. Но Баку и Грозный, Каспийское море около Дербента, где в эвакуацию задержалась мама со мной и сестрой, чтобы потом из Баку на танкере переплыть в Краснодарск и добраться до приютившей нас Башкирии, мне грезились непрерывно. Как и возвращение на Кавказ из Уфы на пароходе “Худабердин” по Белой и Волге. Везде были разные люди, народы. А в Пальне в руки попала книга “Робинзон Крузо” Даниеля Дефо. Островитяне Робинзон и Пятница сняли культурный шок, придали рефлексивную значимость жизненному опыту. О роли этих странствий я рассказал в “Биографии на фоне ландшафтов”, которую вывесил на своем сайте. Временную глубину этому опыту придали прочитанная в первом классе книжка “Двенадцать подвигов Геракла” Льва Успенского. Она была взята в библиотеке школы в Дагестане. Больше ничего сравнимого там не было.

Пожалуй, этого опыта уже было достаточно, чтобы он затем наращивался линейно и расширялся с помощью фондов великолепной областной библиотеки в Туле, а также от поездок с отцом, руководителем сельхозуправления, который брал меня с собой в командировки по районам области. Все это определило выбор кафедры в МГУ, да и всю жизнь.

Антропология, завершающая собой цикл антропологических наук, укоренена в личной коммуникации между людьми. (“Внутреннее (включенное) наблюдение” — не очень удачное обозначение профессионального этнографического общения.) Но этого мало. Мой случай, как и аналогичные истории моих коллег, говорят о коммуникации внутри личности профессионала между всеми слоями опыта его жизни, где ювенальные впечатления бывают решающими.

Один из очерков о выдающемся этнографе члене-корреспонденте РАН Сергее Александровиче Арутюнове начинается с “первопространства”: «Что формирует личность? Да мало ли

что ее формирует. Вся совокупность факторов принято обычно определять как “культурно-исторический контекст формирования”. Выражаясь проще — социальное первопространство человека, его семья, его школа, его двор...» [1]. Один из родственников Арутюнова был капитаном судна, ходившего в Японию. Это сыграло важную роль в том, что Сергей Александрович стал этнографом, среди многосторонних занятий которого самые ранние посвящены Стране восходящего солнца. “Записки капитана Головина” о его путешествии в Японию в 1821 году дали Арутюнову ориентир научной жизни.

Мы видим, что творческий стимул методологически принадлежит к письменной рефлексии. Из рефлексивной деятельности идут мощные послы в двух направлениях. Во-первых, — в сторону закрепления мотиваций к становлению профессионализма. Это личная эзотерика исследователя.

Во-вторых, мы должны отметить посыл в сторону эзотерики как метода организации общественно значимой науки. В сторону герменевтики. В сущности, антропология является герменевтической наукой. Ее фундаментальные факты добываются личным участием специалиста. Как это происходит?

Окрестности Всеобщего мифа²

Всем добрый вечер! Тема моего доклада — “топы архаики”. Если вы посмотрели составленный анонс заседания, то вы поняли, с кем имеете дело в моем лице. Я являюсь профессиональным этнографом. Есть такая специальность, может быть, она должна называться антропологией, но это вопрос дискуссионный. Я хотел бы как можно более подробно описать специфику своей работы, для того чтобы вы ее соизмерили с каким-то более широким и абстрактным масштабом, чем мое мировоззрение. И мы, возможно, пришли бы к какому-то положительному результату.

Когда я сказал вам “Добрый вечер!”, — я поступил так же, как поступил папуас, знакомый Н.Н. Миклухо-Маклая, когда тот предложил ему в подарок кусочек зеркала. Что папуас сказал? “Это, — говорит, — твердая вода”. Я вам сказал добрую вещь — “Добрый вечер!” Значит, вы меня не посчитали сумасшедшим. “И бысть вечер, и бысть утро”. Вы понимаете, что он может быть и недобрым. Но, тем не менее, мы вступили с вами в доброжелательную коммуникацию. Произошло некое восхождение мысли от этой конкретной ситуации к абстракции. Мы полагаем, что время вечное и что оно все-таки благое. Наша мысль, взойдя в каком-то топе “здесь и сейчас”, вернулась, оттолкнувшись от некоего табло континуально доброй абстрактности. И мы получили ощущение, что живем в линейном, бланном, керигматическом времени.

Произошло восхождение мысли, которое я назвал “рекурсивной петлей”. Эта идея изложена в одной из статей, реко-

² Ниже приведен сокращенный и отредактированный текст доклада, прочитанного мной на семинаре по синергической антропологии в ИФ РАН под руководством С.С. Хоружего и О.И. Генисаретского 15 марта 2006 года. В нем имеются неустраиваемые моменты устной речи.

БЫТЬ ИЛИ МОЖЕТ БЫТЬ?

мендованных в материалах к семинару. Она называется “Ландшафт и мышление”. Задача очень простая: попробовать по этим хорошо всем известным топам продвигаться как можно дальше. Вся ситуация, в которой мы сейчас находимся, целиком топическая. Вот я перед вами стою, а вы сидите. Вы, говоря архетипически и этнографически, рангом на порядок выше. Я перед вами стою как преступник. Преступник стоит перед сидящими людьми, и так было испокон веков. В соответствии с вашим рангом вы должны меня допрашивать, и поэтому, как лицо допрашиваемое, я буду стараться отвечать искренне и без утайки, а уж вы будете заключать или, как сказал ведущий, меня интерпретировать. Я бы только просил вас отнестись ко мне не слишком строго, и в связи с этой просьбой хочу напомнить встречу не с о. Павлом Флоренским, а с творчеством этого человека.

Его имя часто произносится на этом семинаре. Одна из первых его работ, которую я прочитал, была опубликована в Вестнике Тартуского университета или в “Декоративном искусстве”. После этой публикации творчество отца Павла меня чрезвычайно заинтересовало. В это время я очень много работал в Питере, великолепные библиотеки обходил за день. В конце концов, я пришел в библиотеку Александро-Невской лавры и спросил, где найти публикации такого автора. Мне сказали, что сейчас выйдет заведующий библиотекой. Вышел человек, который назвался отцом Кириллом, потребовал у меня академическое “мнс’овское” удостоверение. Это был где-то 1970-й год. И после он спросил, благие ли у меня намерения? Я ответил, что благие. Этого оказалось достаточным, и он мне позволил заниматься с архивом. Принес, конечно же, и “Столп Истины”³. О том, что личная коммуникация основана на доверии, можно было бы говорить много, как и о книге, которая попадает в наши руки как судьба — как личная доля всеобщего ресурса. В конечном счете, как своя доля во Всеобщем мифе.

Я сейчас буду говорить о том, что “дикие” вещи, которые я наблюдаю как этнограф, все-таки благие. Они приводят людей самой архаической, “дикой” культуры к взаимопониманию, и потому не нужно их выбрасывать за пределы нашего современного общества. Для этого я приведу несколько эпизодов.

Недавно я включил телевизор, где в утренней передаче какой-то очень шустрый ведущий разговаривал с двумя девушками-ненками, которые, приехав в Москву, демонстрировали на телевидении свои вышивки. И вдруг одна из них произносит какое-то ненецкое слово, а ведущий ее спрашивает: “Это так называется этот предмет?” «Да нет, — говорит она, — это я сказала по-ненецки “Здравствуйте!”» Ведущий немного ошалел и продолжил дальше свою суетливую деятельность.

Почему архаический человек устанавливает эту коммуникацию? В лингвистике она называется *фатической*. Может быть, самое главное, что такой архаический человек принес нам —

³ Речь идет о работе П.А. Флоренского “Столп и утверждение Истины”. — Ред.

это фразу, которую я сказал вам: “Добрый вечер!” или “Добрый день!”. А вы, очевидно, пожелали этого же мне. И мне остается только рассказать о тех других вещах, вокруг которых возникает коммуникативное, фатическое человеческое пространство.

Ненцы — народ, который меня чрезвычайно интересует. Хотя сам я у них еще не работал, но там бывал замечательный архангельский ученый Николай Михайлович Теребихин. Он работает в Поморском университете, опубликовал три книжки о русском севере: “Лукоморье”, “Сакральная география Русского Севера” и “Метафизика Севера”. Это потрясающей эрудиции человек. Дело происходило где-то в тундре, где он с коллегами вел археологические раскопки. Шел дождь, люди не работали, а сидели комфортно в палатке и “квасили”, время от времени выбегая наружу. Оказывается, метрах в восьмидесяти от них остановился ненец в малице. Это такая глухая шитая одежда. Сколько живет человек в приледниковой зоне, столько эта одежда и существует. И вот он стоит несколько часов (два или три) под дождем на оленьих нартах — ненецкий мужчина, страдающий алкоголизмом и знающий, что творится в той палатке.

Спрашивается, почему он не зашел туда, не протянул униженно руку? А потому, что в этой страшно нуждавшейся фигуре было аристократическое человеческое достоинство. Он претендовал на личную коммуникацию. Эта та же ситуация, что и с ненкой, которая прежде всего сказала “Здравствуйте!” Значит, у каждого есть свое место, и этот ненец, нуждавшийся в алкоголе, его знал. Архаическое общество, о котором я говорю, великолепно знает свое место. Знать его — значит обладать всеми правами и способностью выжить в этом месте.

Я много работал на Кавказе, в том числе в дудаевской Чечне. Шла война, а я собирал фольклор, потому что толком этот народ не описан. Однажды я еду в автобусе из Шали в Грозный. Уже ночь, есть хочется. Кто-то выходит и прощается со всеми, а я говорю на весь автобус: “А у тебя место для гостя есть?” Я знал, что он из кожи вон вылезет, но меня примет, накормит и благополучно отправит, даже, может быть, пошлет сына меня сопровождать. Так оно и случилось.

Мне очень нравится фигура Одиссея. Он симпатичный царь, авантюрист, и следить за его судьбой интересно. Царь Одиссей сам себе сделал кровать из пня (“Одиссея”, Песнь 23). Мне симпатично, что он сам сделал лодку. Ведь и Аполлон должен был работать пастухом. А Геракл? А кто только не пахал? Вот эта связь с местом, с контекстом и является сущностью архаического эзотерического мышления, в котором мы с вами находимся. Вот почему Прометей, с целью передать людям огонь, закладывает (заметьте!) “пахотного быка” — место у человека всегда уже одомашнено до самого человека. Эзотерика часто укрывается в каком-то локусе.

Я шастаю по горам с друзьями. Браконьерская охота с боевой винтовкой за турами. Ночью в горах абхазы используют

БЫТЬ ИЛИ МОЖЕТ БЫТЬ?

особый язык и обычаи. Так, если ты пьешь воду, то сосед-напарник, с которым ты идешь, в это время должен громко произносить твое имя. Если ты один, то должен сам громко себя называть. Что происходит в этом обряде, связанном с произнесением имени? В нем маркируется место: ты есть некая полнота. А поскольку ты потребляешь морфему бытия, стихию воды, то должен быть восполняем, и ты обязательно должен произносить свое имя. Вы знаете, сколько существует в человеческом языке названий самого слова “имя”? Великий мудрец на этом поприще Вячеслав Всеволодович Иванов говорит, что оно уже было у человечества, когда оно только выходило из Африки. Человек стал человеком, говоря “Я есть”. Это уже коммуникативная ситуация и эзотерическая. Только тут эзотерика упрятана не в локусе, а во всей Вселенной.

Я хочу вам рассказать потрясающую историю, которая произошла в 1965 году в Восточных Саянах — это к югу от Байкала. Там есть такой народ — тофалары, или карагасы. Их человек 600, охотятся зимой они на соболя. Добывают этого соболя в течение одного-двух месяцев в жутких морозах. В те годы какой-нибудь “бизнесмен” за бутылку мог взять у них шкурку соболя. Вот этот народ я изучал. Я ехал на олене на альпийские пастбища пожить у оленеводов.

Мой проводник кричит мне назад: “Ты историк?” А я держусь, чтобы не вылететь из седла. “Да”, — кричу. Он спрашивает: “Вот годы идут туда (до нашей эры), а потом нормально? Объясни”. Скажите мне сейчас, почему вас этот вопрос не волнует, как время поворачивается в другую сторону, а первобытного человека это волнует? Я скажу, почему. Потому что у этих людей был отсчет времени по солнцу, которое полгода катится по телу человеческому: три дня — на большом пальце ступни, потом продвигается по ступне, поднимается к колену, к бедру, плечу, макушке, а по другой половине тела скатывается. Время в виде солнца катится по человеку туда и обратно, вот почему он задает этот вопрос. Эта архаическая культура хорошо ориентирована в повороте времени, пространства, бытия, чтобы, повернув, согнув реальность, выщепить из нее какую-то нужную ценность. А в исходе — это Всеобщий миф об облачении тела человека светом. Здесь эзотерика укрыта в свете.

Есть интересный обычай на Кавказе, связанный с культом быка, с культом его шкуры. Там очень интересные обряды, которые удавалось фиксировать. Они известны еще у скифов. Скиф, если хотел организовать команду для нападения, убивал быка, садился на шкуру, готовил мясо. Кто попробовал мясо и наступал на шкуру, тот становился его соучастником в этом рейде. Скифы это прекрасно делали. Нужно было есть, нужно было своим задом маркировать место. Он маркировал — и дело было в шляпе. Это маркировка заднего места — заднего в философском смысле. Скажем, задний (последний) баран в стаде у осетин или у древних иранцев особый. Он называется

“Фарн”. Фарн — это носитель счастья. А счастье — это то, что маркировано нашим задом. Кстати, у славян почитался последний сноп на сжатом поле. Это одно и то же. На Кавказе, когда боишься, что тебя слезают, что делают люди незаметно? Этих кавказцев я даже в Москве иногда узнаю. Они с детства приучены хлопать себя по заду. И нормальный мужчина, если он хорошо воспитан в деревне, идет в Тбилиси или Сухуми по улице, забрасывая руку далеко назад. Его бабушка научила щипнуть себя за зад на публике. Эзотерика. Это очень развито в Западной части Грузии и в Абхазии — места Медеи, самой крутой ведьмы в нашей истории. Под этим лежит миф о том, что время началось от первоначальной скалы и что человек от нее движется задом вперед, который надо защищать. И это знает только антрополог. Кстати, у нечистого нет ни зада, ни спины. Он “свободен”.

Итак, о той части тела, на которой вы сидите. В архаическом мышлении сидению за трапезой придается огромная значимость. Семантика пищевого акта всегда огромна. Это не просто питание, это постоянная теофания. Нельзя просто есть, как мы часто это делаем. Мы совсем тупые с точки зрения архаического этикета. Ритуал поглощения пищи, введения ее внутрь тела аналогичен вхождению тела внутрь жилища. Вот в русской деревне вы заходите в дом. Вы не должны сразу идти вперед. Гость должен потоптаться как можно дольше у двери. Он этим своим топтанием приносит счастье в дом. Если вы идете сразу, у всех уже настороженность. Прямо идет к столу, даже без приглашения, только тот, кто пришел на поминки. У абхазов есть красивый ритуал. Гость, приехавший на лошади, должен потоптать там лужайку, погарцевать, оставить следы — те самые, где в мировом фольклоре у козы находится зерно, из которого произрастает вся реальность и откуда началась неолитическая революция. Неолитическая революция — это топологический момент в нашем мышлении. Следствие Всеобщего мифа.

Народная культура строится на инверсиях. Для этого же существует театр, который очень близок к суду, к рынку. Это я прочитал недавно у О.И. Генисаретского. Правильно все утверждает. Значит, нужно топтаться, чтобы вывернуть это все: перед охотой надо плясать, ресурс благополучия надо вытанцовывать. Кто-то из великих сказал, что миф вытанцовывается. Миф выплясывается. Из следов произрастают полезные злаки. Не нужно особенного нарратива, поскольку то, что мы делаем, когда касаемся своего костюма или когда стучим по дереву, мы просто наносим следы, маркируем топическую сферу мифа.

Еще о танце. Очень жалко, что в нашей аудитории нет сейчас Павла Федосова. На предшествующем нашем семинаре была показана инсценировка из Кортасара. Но здесь присутствует руководитель группы Антонина Ростовская. Мне понравилось их выступление. Я с тех пор постоянно думаю о том, что здесь

БЫТЬ ИЛИ МОЖЕТ БЫТЬ?

происходило. Павел выступал и говорил, что он занимался с японским учителем около горы Фудзияма. Учитель сказал ему, что он “танцует место”. Я попросил Павла написать эту фразу на карточке, и он написал: “I dance space”, а не “place” (они беседовали по-английски). Все-таки Танака-сан танцует пространство или место? Меня беспокоит этот вопрос. Может быть, все-таки “place”? Ведь в таком случае японец и Павел танцевали так же, как танцует Шива, танец которого — это жизнь мира. Прекратится танец Шивы, и рухнет все. У народов Сибири мир существует оттого, что танцует шаман. Его тело стерлось, осталась только прыгающая черепная кость. Танец — это та же самая аналогия Всеобщего мифа. Везде один и тот же Всеобщий миф.

Что мы с вами делаем, когда стучим по чему-то деревянно-му от сглаза? Мы этот миф активируем. Мы возвращаемся ко времени творения нас из деревянной болванки. (Есть мифы об этом, есть и фигурки хантыйских духов из тряпок, намотанных на деревянную болванку.) Мы, таким образом, ускользаем от всяких злокозненных мыслей и сглаза. Так мы умело пользуемся приемами воссоздания тела из ресурсов Всеобщего мифа.

Тайны полевого исследования

Более точно тема должна звучать так: “Как эзотерика позволяет социальной антропологии проследить в конкретной культуре целевые смыслопорождения?” Очевидно, что сам исследователь должен телесно и нравно быть приближен к наиболее интимным состояниям изучаемой им культуры.

Эзотерический аспект полевой антропологической работы, выявленный в моей практике, можно свести к немногим, но довольно строгим принципам.

Принцип первый: презентация тела антрополога. Мужского тела — для мужчины, женского — для женщины. По возможности их тела должны быть здоровы и не уродливы. Недостатки мужской фигуры социального антрополога могут компенсироваться красотой его спутницы.

В моей кавказоведческой практике контакт всегда начинается с телесности в широком (хотя бы угощение) или в узком смысле (оценка моей фигуры, комплекции, телесного поведения). Это входит в обряд профессиональной инициации. Приведу пример. Однажды в Нальчике я встретился с балкарцем моего возраста Далхатом Таумурзаевым. В тот же день мы были в горах. В нужный нам поселок пришлось идти по стенкам бетонного водовода, проходившего над ущельем глубиной с девятиэтажный дом. Толщина стенки водовода была сантиметров пятнадцать. Я шел по ней за Далхатом, стараясь не смотреть ни на дно ущелья, ни на крутящиеся потоки воды. Но вот мой друг посередине пути перепрыгнул на другую стенку и, не оборачиваясь, стал удаляться. Мне надо было сделать то же самое. Что стоит на земле перепрыгнуть метр с небольшим! Но тут —

несущийся поток из сплетающихся струй. От этого кружится голова. Прыгать мешает сумка, в которой тетради, тяжелый фотоаппарат, личные вещи. Успокоил дыхание и дрожь в икрах ног. Все обошлось. Но этот эпизод я всегда вспоминаю с ужасом. Когда мы обедали в поселке, Далхат стал в мою честь произносить тост. Он сказал, что у меня “кавказская спина” (то есть обволошенная, чистая гладкая спина по местным верованиям бывает у шайтанов), широкие плечи, но “слабые, как у всех русских, ноги”.

В работе на Кавказе и в Средней Азии положительное внимание обращается на то, что я ношу в сумке зубную щетку и пасту, которыми пользуюсь после каждой еды. Это соответствует высокому мусульманскому этикету. И всегда отмечается людьми.

Принцип второй: растяжение времени. Я этот принцип называю еще “Марковским”. В экспедиции с Г.Е. Марковым к туркменам в годы моей студенческой юности я обратил внимание, как он с юмором объясняет людям цель нашего приезда: побеседовать о международном положении. (Представьте пустыню Кызылкумы, жару в 50 градусов и наш внезапный приезд к людям, живущим в затерянной среди песков юрте.) И хозяин всегда принимал это заявление и выносил из юрты нам кислое молоко или арбузы, что было просто прекрасно. Продолжение принципа телесности.

Состоявшуюся беседу нельзя резко прерывать. Очень ритуализовано гашение локуса беседы в Абхазии. Начало прощания с хозяевами происходит в доме. Перед домом растет дерево, обычно большая груша. Тут опять надо прощаться. И тоже со стаканом вина в руке. Затем гости и хозяева продвигаются к калитке — и снова задержка. Наконец последние слова гости произносят, будучи на улице.

Принцип третий: не задавать вопросы сразу и прямо. В кавказском этикете гостю не задают вопросов. Он может три дня вообще не сообщать о цели своего приезда. Очень тонкий и славянский этикет. Вошедший в дом должен перекреститься на иконы и немного потоптаться у порога, чтобы хозяин сделал специальное приглашение пройти дальше. Без приглашения входят сваты и те, кто пришел на поминки. Суть дела всегда откладывается на конец.

Но вот в доме появляется неквалифицированный антрополог, прямолинейно добывающий истину. В деревенском быту многих народов есть такое развлечение — снохачество. Дело в том, что невесту “берут”, ведь она принадлежит семье, роду. Обычай, конечно, тайный. И вот одна этнографическая дама в вологодской деревне, вынудив блокнот, спросила: “А есть ли у вас снохачество?” Люди вышли из помещения. В этом селе делать больше было нечего.

Анкетный метод в полевой антропологии таит в себе много опасностей: он не учитывает уже названных принципов. Один этнодемограф приехал на Кавказ с анкетой. Среди вопросов

БЫТЬ ИЛИ МОЖЕТ БЫТЬ?

был такой: “В случае смерти кого: отца или матери — Вы бы горевали больше всего?” Уж какой здесь эзотеризм, просто не-профессионализм.

Принцип четвертый: модусы поведения. Эти модусы сводятся к трем.

Трудовой модус. Раньше я его называл “крестьянским”. Успеху в собирании материала по антропологии весьма помогало включение в обычную трудовую жизнь семьи, где ты квартируешь. Мои трудовые навыки, возникшие во время строительства собственного дома, оказались в ряде случаев очень кстати. Помощь гостя в трудовом процессе создавала у хозяев явное ощущение праздника, участвовать в котором стремились и соседи. Поэтому заполучить гостя хотели и они. Но этика гощения не позволяет просто так менять хозяина.

Бывали и промахи. В 1965 году я находился в экспедиции с С.И. Вайнштейном у тофаларов, живущих на востоке Саян. Мы поселились в гостеприимном доме Н.Н. Баканаева. Хозяин был уже в приличном возрасте, и я старался, чем мог, ему помочь в хозяйстве. Например, запрячь лошадь и отправиться с хозяином в лес за дровами. Мы прожили в Алыгджере месяц. И только в Москве от лингвиста В.И. Рассадина, женившегося на дочери Баканаева, я узнал, что последний был тогда единственным практикующим шаманом у тофаларов.

Однажды в Абхазии я, переночевав в одной семье, рано утром вышел на прогулку. У парня, пахавшего на быках участок земли, я попросил дать мне поработать плугом. А парень, приняв меня за одного из российских пьяниц, болтающихся в Абхазии и что-нибудь делающих за еду и выпивку, куда-то ушел. Потом он был очень смущен и пару дней возил меня по селам на “Жигуленке”.

Жреческий модус. Слово “жрец” имеет один корень со словом “жрать”. Но жрец тем и отличается, что взамен пищи должен произносить слова-заклятия благополучия. Лучше это делать на местном языке. От толкового гостя и ждут словесных благословений. Вообще несколько фраз на таком наречии делают людей расположенными к тебе. В Таллинне и Пярну я произносил фразу: “Извините, пожалуйста, я не говорю по-эстонски”. И этого было достаточно, чтобы к тебе отнеслись должным образом в ресторане или библиотеке.

Аристократический модус. Для себя я его называю “Арутюновским”. С.А. Арутюнов замечательный этнограф. В свои молодые годы я опрашивал старших коллег с большой практикой полевых исследований о примечательных ситуациях, мешавших или, напротив, помогавших в работе. Арутюнов рассказал такую историю. На Чукотке их небольшой отряд шел в пургу куда-то на приличное расстояние. С этнографами была чукчанка, которая несла на руках ребенка. Один из них взял у нее малыша и понес сам. Это был, конечно, Арутюнов. Потом местные жители помогали группе всем, чем могли.

В кавказском быту чрезвычайно разработаны основы аристократического поведения. Они сводятся к удовлетворению самым необходимым, аскезе. Скажем, у кабардинцев крылышки от курицы считаются “княжеской пищей”. Однажды в Абхазии я прибрал за собой постель и услышал от старушки слова, обращенные к членам семьи: “Смотрите, он ведет себя как дворянин (аамсташу)”.

Чертой аристократического поведения считается проявление всяческого внимания к детям. Гостю положено делать им разные подарки, интересоваться учебой и т.п. После многих лет работы я обнаружил, что и сам гость-аристократ воспринимается в его самоумалении чуть ли не ребенком. Это облегчило ведение опроса по женской и детской тематике: ведь антрополог — “ребенок”, и его надо “учить” многим вещам. “Аристократическое” тело антрополога наиболее эзотерично в сравнении с “трудовым” и “жреческим”. Создать в себе такое детское по смыслу тело — большая удача.

Замечание ко всем принципам. Есть поэтическая интрига полевой работы. Она заключена в том, что “трудовое” и “жреческое” тело исследователя взламывается обществом, в котором он находится. Берется на пробу. Например, в Грузии надо достойно выдержать застолье. Это можно назвать профессиональной инициацией.

Но что происходит на “аристократическом” уровне? Это прием в члены общества, усыновление. Полностью данный обряд прошли немногие: Люис Генри Морган (1818—1881) у ирокезов, Фрэнсис Кашинг (1857—1890) у зуньи, Валерий Николаевич Чернецов (1905—1970) у манси, ставший у них в 1920—1930-е годы шаманом.

От деталей к философской абстракции

Перечисленные принципы кому-то могут показаться мелочами. Но мы должны обратиться к тому, что М. Хоркхаймер увидел в методе Вальтера Бенямина, изучавшего Москву и Париж, — очень тонкого наблюдателя. Хоркхаймер по поводу парижского исследования Бенямина написал ему 18 сентября 1935 года: “Создается впечатление, что метод, заключающийся в проникновении в суть эпохи через незначительные поверхностные симптомы, удался в полной мере” [2]. Суть дела Хоркхаймер уловил точно, но симптомы назвал неточно “поверхностными”. Просто эзотерика всегда непритязательна, так же как и истина.

О тех же симптомах эзотерики говорил Б.Л. Пастернак, но в поэтически выраженном стиле, когда в цикле “Сестра моя — жизнь” писал о “Всевышнем боге деталей, Боге любви Ягайлов и Ядвиг”. В “Охранной грамоте” тяготение к деталям отнесено к народу. Народ назван “фанатиком частных”. Литература явно солидаризируется с антропологией. Даже ее опережает.

БЫТЬ ИЛИ МОЖЕТ БЫТЬ?

Та же самая мысль о деталях в виде формулировки предмета этнографии прозвучала из уст М.О. Косвена (1885–1967) 12 апреля 1961 года. Один из моих учителей в чеченской этнографии — Ибрагим Саидов [8]. Его дом в Грозном был для меня пристанищем среди странствий по Чечне. Там всегда для меня был хлеб и кров. Саидов под руководством Косвена написал блестящую диссертацию об общине своего народа. За неделю до возвращения Гагарина из Космоса Косвен назначил встречу с Саидовым у себя дома на Ленинском проспекте, чтобы обговорить предстоящую защиту. 12 апреля Саидову удалось чудом пересечь огороженный Ленинский проспект и прибыть к научному руководителю. В ходе их беседы Саидов задал ему вопрос: “А что, по Вашему мнению, изучает этнография?” Великий ученый подошел к окну. Он долго смотрел на толпы москвичей, встречавших первого космонавта. Потом ответил: “Этнография — это наука о мелочах”.

Сейчас стал ясен философский герменевтический смысл “мелочей”. Дело в том, что эти порой скромные артефакты культуры никак не обусловлены причинно-следственно: можно в знак согласия кивать головой сверху вниз, а можно качать из стороны в сторону, как у болгар. Но мелочи могут быть влечены в ход мировых событий. Богдан Хмельницкий не простил польскому шляхтичу захват его невесты.

Автономность “мелочей” позволяет им жить в плоти культуры бесконечно долго. Это “пережитки”. Их нужно рассматривать в качестве экспозиции культуры, за которой в герменевтических процедурах, по П. Рикеру, следуют понимание, толкование и только в последнюю очередь причинно-следственное объяснение [4].

Но все непросто в социальной антропологии. Носители культуры воспринимают частности (“мелочи”) в качестве возникших причинно-следственным путем. Они тем самым создают свою содержательно-генетическую логику, выражая ее сентенциями “так было”, “так делали предки”. На деле это перформативная стратегия, под покровом традиции маскирующая эзотеризм.

К чему приводит незнание антропологической инверсии, можно продемонстрировать на примере юриспруденции, до сих пор стоящей в недоумении перед проблемой происхождения обычного или естественного права. Историки-юристы в этой ситуации идут на поводу носителей культуры, укрывающих ее эзотерическое ядро.

Это говорит о необходимости подчинить семиотический подход к определению культуры подходу семантическому. Это и было сделано в формулировке П.С. Гуревича, где речь идет о сакральном смысле бытия [3]. Что тут можно добавить по поводу “поиска сакрального смысла бытия”? Только то, что жажда этого поиска рождается в сердце монотеистически верующего человека, а в голове превращается в стремление понять мир и другого человека.

При человеческой незавершенности мир бесконечно расширен, и в таком виде он охватывает человека и принуждает к когнитивной деятельности. Но и “Другой” для человека — это он сам, нравственно расширенный в культуру и ею принуждаемый.

Нуминозное ощущение расширенного мира, анимизм, выраженный в сентенции “там еще тоже что-то есть”, фиксировался мной практически у каждого народа, где я работал. Это не только вера в сверхъестественных духов. В начале 1990-х годов я изучал балкарцев. В Чегемском ущелье жил столетний Хасан Мирзоев. Он в горах пас овец, управляя ими криками. Этому он научился в высылке в Киргизии, в силу чего у односельчан был прозван “Басмачом”. Мы уходили по утрам с Хасаном и его библейским стадом на горные пастбища. Хасан сидел на ишаке, привязанный родственниками веревками к седлу, чтобы, не дай Бог, не упал, а удержать его дома никто не мог. На стоянке мы разводили костер, любовались ущельем, слушали шум водопадов, смотрели вниз на парящего орла. Вели беседы. Однажды Хасан, глядя на все это, сказал: “Нет в мире прекраснее этих мест!” Хасан нигде кроме Балкарии и Киргизии не был. Не видел Килиманджаро и Ниагарского водопада, Рима и Парижа. И все же он прав. Раньше я это рассматривал как примирение с природой [6, с. 32]. Но тут явно имеется в виду движение смысла на пути от образа спрессованного пространства и времени к мысли об универсальности Вселенной.

С годами мое понимание этого эпизода развивалось. Оно пришло к открытию принуждающей силы у архетипа, который всегда вербализован. Например, посадивший меня глубокой ночью в автомашину на трассе Очамчиры — Сухум водитель сказал: “Человек не должен ночевать под открытым небом”. Он выразил архетип жилища, который нравственно-принудителен, но вовсе не описывает, каким будет жилище. По своей конструкции архетип является мыслеобразом бытия. В этом расширении нужно отметить принуждающую силу архетипа. Таинство Всеобщего мифа в том, что он архетипичен.

Общение, таинство и статус антрополога

Общение — тоже таинство. В Библии Бог, создавая подругу Адаму, говорит: “Ибо нехорошо человеку быть одному”. Почему? Потому что это неоспоримая эзотерическая основа жизни. Общение со Всевышним относится к религии. Общение людей друг с другом — к антропологии. Но, заметим вот что: само возникновение человеческого рода, его витальность (жизнеспособность) и развитие культуры обязано общению: общающиеся люди — это общество. В обществе мы находим средства к существованию, лечению, образованию семьи, рода... Можно было бы сказать, что и народа.

Природа выделяет индивида: дает ему пол, из ребенка делает взрослого. Иначе говоря, природа указывает на конкретного

БЫТЬ ИЛИ МОЖЕТ БЫТЬ?

человека и выделяет его безотносительно к богатству, социальному статусу. Вот также и с родовым телом народа, которое ментально состоит из ныне живущих людей, из умерших предков и еще из не родившихся поколений. Народ (этнос) это тоже результат общения не только между его членами, но, прежде всего, с природой. Характер общения с природой влияет на жизнеспособность народа.

Профессиональное знание — не только факты, а способ их организации, проще — способ думания. Какое думание в антропологии? Антрополог — он всегда “практикующий”, работающий “в поле”. Выражение пришло от старинных естествоиспытателей и закрепилось, ибо основой антропологии была этнография с ее вниманием к пространственным размещениям культур. Первоначально этнография была географической наукой. Первая ее кафедра в России была основана в 1923 году на географическом факультете Московского университета. Еще недавно антропологи основное внимание обращали на проблемы коммуникации с другими культурами. Сейчас все более важной становится интригующая проблема коммуникации с природой, как внешней, так и своей собственной, человеческой.

В связи с тем, что “в поле” особенно велико значение личностных коммуникативных и адаптивных качеств исследователя, им тоже надо учиться. Антрополог вроде кочевника: он сам приходит к людям и от них в дар получает знание. За даром должен следовать отдарок. Что может отдать человек вроде меня, всю жизнь занимавшийся антропологией? — Опыт моих учителей и мой собственный, который состоит в особом антропологическом мышлении: от частного к частному (в философской логике это трансдукция). В принципе, это умеют делать все люди, когда они просто беседуют, рассказывают что-то друг другу. Они тогда понимают сами себя. Когда формы общения людей изучаются как устои жизни, миропонимания, цивилизации, тогда начинает звучать голос антропологии. Эти устои — философские основания антропологии, ядро науки. Хранение его тоже обязанность специалиста.

Другая тайна профессии — владение методами описания культуры. Описание в антропологии занимает такое же место, как в естественных науках эксперимент. Понять здесь — значит: как можно точнее описать. И снова вопрос: как описать истину? Можно только коснуться ее с краю, через деталь, фрагментом. В антропологии через единичное и частное постигается универсальное и общее. Личная коммуникация присутствует в антропологическом герменевтическом круге. Войти в него не так просто, иногда не пускают.

И последняя тайна. Она связана с вопросом “Для чего?” Ведь даже точное описание может нарушать интересы людей. В Индии в одной касте был обнаружен уникальный обычай, когда старшие братья лишают сестру девственности. Этот обычай дает свою перспективу социальной истории человечества.

То же я обнаружил у одного народа бывшего СССР. Но я никогда не опубликую более подробных сведений о жизни этих гостеприимных людей. Антрополог касается тонких вещей, поэтому “не навредить” у него такой же этический принцип, как и у врача. Задача медицины вернуть здоровье. Задача антропологов аналогична служению священства: предупредить народы от сползания к вражде, вернуть людей к общению. Антрополог — в роде священника, когда тот проводит очищающую литургию.

Результатом благих намерений антрополога могут воспользоваться другие люди, плохо понимающие науку или вовсе в чуждых от науки интересах. Что может гарантировать антрополога от такой беды? Только общественное признание его права на профессиональную эзотерику. И понимание того, что антропология как наука ориентирована на получение не социального блага, а духовного.

“Подлинно человеческое в нас метафизическое” — говорил Мераб Мамарашвили. Эту истину находит и хранит антропология в силу своей способности реконструировать Всеобщий эзотерический миф человечества. Великий миф о Творце распался на множество отдельных мифов. Эти осколки кажутся на первый взгляд совершенно не связанными. Но оказалось, что единые корни, помимо приведенных выше инверсий внутреннего и внешнего, имеют, например, техника строительства срубной избы и пещера Платона, которые разделяют ту же эзотерику. Везде смысловое человеческое деяние таинственно рождается в оболочке света.

Вот и сейчас я предстал перед вами в позе обрубка дерева, вертикально поставленной болванки, еще близкой к миру природы. Эту самую природу я сюда принес с собой. А вы, мои читатели, внимали, прочно маркируя наше общее место, в котором совершалось таинство придания частному опыту антрополога некоторого общего культурного смысла.

Литература

1. Банников К. Биография С.А. Аругюнова — мужская версия. URL: <http://www.gusaba.ru/cntnt/okompanii/okompanii1.html> (дата обращения: 21.11.2014).
2. Беньямин В. Париж — столица XIX века // Историко-философский ежегодник. 1990. М., 1991.
3. Гуревич П.С. Философия культуры. М., 2001. С. 37.
4. Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / Пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2002.
5. Розин В.М. Эзотерический мир. Семантика сакрального текста. М.: Едиториал, 2002.
6. Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнографии. М.: Гардарика, 1998.
7. Чеснов Я.В. Народная культура: философско-антропологический подход. М.: Канон + РООИ “Реабилитация”, 2014. С. 62–83.
8. Чеснов Я.В., Хасиев С.-М. и др. Ибрагим Саидов. Некролог // Этнографическое обозрение. 1996. № 3.